

Наталья Кокшарова (Алиса Агафонова)
Секта «Ашрам Шамбалы»
Концлагерь для ищущих Бога

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Наталья Кокшарова

**Секта «Ашрам Шамбалы».
Концлагерь для ищущих Бога**

«Автор»

2020

Кокшарова Н.

Секта «Ашрам Шамбалы». Концлагерь для ищущих Бога /
Н. Кокшарова — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-93776-5

Эта книга об одном из самых страшных тоталитарных культов постсоветского пространства, написанная бывшей ее последовательницей, журналисткой, блогером участницей нескольких телевизионных передач о секте «Ашрам Шамбалы». Почему люди попадают в секты, что происходит за закрытыми дверями, что держит адептов там, в зачастую невыносимых условиях, на все эти вопросы пытается ответить автор, описывая свой путь через ужасы и обманы секты Константина Руднева. Эта книга написана для бывших и нынешних сектантов, для родителей, которые потеряли своих детей в сектах, для тех, кто хочет больше понять, как работает наша психика и с помощью каких техник ею манипулируют. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93776-5

© Кокшарова Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Благодарность	5
Предисловие	6
Мертвая девушка	8
Переезд, который все изменил	9
В новой школе	11
В лицее	12
В университете	13
В общежитии брата	14
Знакомство с Богданом	17
Первое знакомство с сектой Руднева. Путь дурака	19
Духовные поиски среди звенящих кедров	21
Обратно к истокам. Я становлюсь яркой христианкой	22
Первый раз в секте	26
Втягивание в секту	29
Расставание с Богданом	31
Тантра втроем	33
Первый семинар	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Кокшарова

Секта «Ашрам Шамбалы».

Концлагерь для ищущих Бога

Благодарность

Хочу поблагодарить всех, кто во время ведения блога о секте поддерживал меня и блог. Благодарю всех, кто нашел в себе силы и вышел из зависимости от секты. Благодарю всех тех, кто первым прочел мою книгу и дал мне обратную связь: Бориса, Елену, Алексея, Марину, Марию и Алию. А также благодарю моих родителей, которые всегда меня поддерживали. И особая благодарность вам, моим читателям, спасибо что купили мою книгу, а главное за то, что читаете.

Предисловие

Шепелявая – так меня называл мой гуру. Я действительно произношу «р» на французский манер, с этим в детстве не справились мои родители и логопеды.

Сразу хочу объяснить, почему на обложке стоят два имени. Мое настоящее имя Наталья Кокшарова, а псевдонимом, под которым я начинала делиться опытом о секте был Алиса Агафонова. Чтобы книгу лучше находили, я переняла оба имени на обложку.

Эта книга посвящена значительному отрезку моей жизни, который я провела в секте Константина Руднева, известной под названием «Ашрам Шамбалы». Все описанное здесь опирается на реальные события моей жизни, только имена и места я частично изменила. То, что я пережила в секте, и то, что она со мной сделала, я уже давно хотела описать на бумаге. Пребывание в секте принесло мне много боли и оставило несмываемый отпечаток в моей душе.

Гуру частенько говорил, что наше тело питается пищей, а наша душа – впечатлениями, и мы становимся подобными тому, какими впечатлениями себя наполняем. Он был прав и из всех сил наполнял нас впечатлениями, которые необратимо изменяли наши представления о морали и превращали нас в рабов секты.

Это уже третья попытка писать книгу. Я просто не могу иначе. Это все должно выйти наружу. Смотрю на мои первые попытки – и ужасаюсь: начала писать примерно семь лет назад, а теперь, перечитывая, понимаю, что тогда я еще оставалась под очень сильным влиянием секты и гипноз еще не до конца выветрился. Может, и хорошо, что я тогда не дописала до конца, потому что была все еще не свободна от дурмана.

Впрочем, и до сих пор я продолжаю восстанавливаться от последствий обработки моей психики. По крайней мере я уже твердо осознала: то, что происходило в секте Константина Руднева, – это неправильно. Если бы я верила в дьявола и бога, я бы сказала, что Руднев – это воплощение дьявола. А поскольку я не могу больше верить, то просто скажу, что Руднев – это глубоко несчастный и жестокий человек с трудным детством и с психическими отклонениями.

Но о том, какие у него расстройства личности, пусть лучше скажут психотерапевты, а я расскажу про мой опыт в его страшном детище-уродище со множеством имен: Ашрам Шамбалы, школа «Беловодье», Школа Шамбалы, школа Инлиранги, Международная академия счастья, Школа богинь, Сибирский шаолинь, Международная академия женской мудрости «Альма», просто Школа женской мудрости, «Сибирский шаманизм», детское направление под руководством Виктории Романовой «Мир маленького гения» и мужская школа «Буагир» – скорее всего, я не все имена знаю.

Мы все, находившиеся в секте Руднева, голодали, спали меньше шести часов в день, физические нагрузки частенько превышали наши возможности, мы мерзли, а еще нас постоянно унижали. Люди, находящиеся в секте, иногда сходили с ума, иногда тяжело заболели из-за недостаточного питания, плохих условий жизни и слишком сильных нагрузок. Если быть до конца честной, было много и тех, кому повезло не втянуться в секту так же глубоко, как мне. Эти люди не понесли больших потерь, кроме, возможно, материальных.

Мы получали множество различных уроков – в основном в эзотерических знаниях: йога, астрология, астральное карате, искусство макияжа и ведения бизнеса и т.д. Очень широкий спектр так называемых духовных знаний вдалбливали в наши головы. Многие годы потребовались мне после секты, чтобы очистить мозг от разнообразного эзотерического мусора. Но даже если бы мы в секте действительно получали какие-то ценные и уникальные откровения, я знаю, что никакие знания не оправдают той жестокости и цинизма, с которыми с нами обращались.

Да, конечно, мы подвергались варварскому промыванию мозгов. Об этих методах манипулирования я расскажу в книге. Мне все-таки повезло, потому что секта, в которой я была, не пропагандировала экстремальных форм воздействия на окружающих людей – убийств и

насилия, как это бывает в некоторых других тоталитарных псевдорелигиозных группах. Но нас учили обманывать и манипулировать ради достижения цели. А цель наша была одна – служить нашему гуру, а значит, бесплатно работать на него, удовлетворять все его прихоти, приносить ему деньги и приводить новых людей.

Я пишу эту книгу, потому что я хочу поделиться полученными и выстраданными практическими знаниями о том, какой хрупкой и податливой может быть наша психика. Не многим ясно, что же может случиться с совершенно нормальными людьми – с вами, с вашими родственниками, друзьями или детьми, если вы подвергнетесь определенным манипулятивным воздействиям сектантов. А начаться все это может с безобидных занятий «йогой», или маки-яжем, или танцами.

Я покинула секту Руднева, но она все еще существует, как существуют и множество других, условно безвредных, но на самом деле опасных сект.

Мертвая девушка

Она лежала на диване, мертвая девушка, почти девочка. Кожа обтягивала ее лицо как пергамент, смазанный маслом. Она почему-то немного блестела и оттого выглядела неестественно. Мне очень редко за всю жизнь приходилось видеть мертвых людей. Уже несколько недель назад она выглядела такой, мертвой, хотя еще могла двигаться и говорить.

Я попросилась в туалет, и проходя мимо зеркала в коридоре, я увидела еще одну мертвую – да, у меня было ощущение, что я тоже мертвая.

Галина, руководительница киевского преддверия Ашрама, не выглядела мертвой, а только очень испуганной. Я не знаю, одобрили ли это из Москвы, но она на самом деле вызвала скорую. Мы ждали неотложку, которую нужно было вызвать несколько дней назад, ведь Лена, теперь бездвижно лежащая на диване, уже давно болела и к тому же вела себя очень странно. Она уже много месяцев назад начала прятаться под столом и оттуда, как зашуганный зверек, выглядывать на всех нас.

Ее физическое здоровье тоже пошатнулось, каждый шаг и любое движение давались ей с большим трудом. Сначала она только временами заползала под стол, а ближе к концу она буквально жила там. За пару дней до ее смерти мы обнаружили, что свою порцию каши она не съела, а прятала во всех углах.

Я часто спрашиваю сама себя: как же это могло до такого дойти? Мы, наверное, все были сумасшедшими? Когда мы пришли в секту, мы все были вполне себе нормальными. Или все же стабильность нашего разума – это иллюзия? Мой жизненный опыт показывает, что наш разум намного хрупче, чем мы привыкли думать. Если знать как, похоже, легко можно его разрушить или подчинить.

А как же позитивное мышление, спросите вы меня. К черту позитивное мышление, это очередной метод управлять нашим сознанием. Если возникает здоровая критика, нас легко заткнуть, мол, не негативьте. Постепенно мы разучиваемся слушать сами себя, свои чувства. А настоящая любовь к себе – это честность с собой и принятие себя, то, чего у нас и в помине не было в секте «Ашрам Шамбалы». И как же я смогла сама не умереть и не сойти с ума? А почему я не сбежала? И, что самое страшное, почему у меня тогда не возникло даже мысли сбежать? Эти вопросы меня мучают и не дают обрести покоя.

В поисках ответов я пишу эту книгу. В поисках ответов я создала мой канал о секте, хотя я, как и любой, кто побывал там, глубоко на подкорке несу страх – страх, что они меня уничтожат, как уничтожили эту ни в чем не повинную девушку Лену.

Переезд, который все изменил

Мую историю я начну с 1991 года. Это время перестройки, когда наконец-то были разрешены многие годы запрещенные духовность и религиозность. Как грибы после дождя, везде появлялись гадалки, экстрасенсы и целители.

Одни люди пошли в храмы и начали молиться, другие увлеклись медитациями, третьи начали верить в инопланетян и духов. Кто во что горазд. Я очень хорошо помню телесеансы Анатолия Кашпировского, который нас гипнотизировал с голубых экранов и говорил, что на счет «три» у нас все исцелится и рассосется.

Моя мама, очень впечатлительный и доверчивый человек, была немедленно подхвачена волной экстрасенсорики и магии. Мне было 11 лет.

Я тогда и не подозревала, что в это время в Новосибирске под руководством выпускника машиностроительного техникума Константина Руднева открылась секта, жертвой которой я стану, когда мне исполнится 19 лет. В то время мне и слово «секта» было незнакомо. Может, в этом-то и проблема: в школе не рассказывают о сектах и не преподают методы защиты от психологических манипуляций, а родители предупреждают, чтобы дети не брали в руки наркотики, даже и не подумав о другой опасности.

Истоком секты Руднева стала идея подзаработать денег на духовности. Костя Руднев со своим братом решили начать свой бизнес, и Костя предложил открывать людям третий глаз: «Да мы же ничего об этом не знаем!» – говорил брат Константина Сергей. «Ничего, другие тоже ничего об этом не знают!» – утешал его будущий гуру.

...А пока секта развивалась и поджидала меня, я боролась с другими проблемами. Переезд – это частенько довольно неприятно и приносит с собой массу переживаний и стрессов. Но для меня в 11 лет это было большое приключение. Я была добрым и наивным ребенком и радовалась переменам. Как оказалось потом, зря радовалась...

Мебель и все наши вещи мы отправили в контейнере, а сами с парочкой сумок и нашей кавказской овчаркой Любеной полетели на самолете. Не удивляйтесь странному имени собаки, мы ее уже приобрели с этим именем. Ее отца звали Лютый, мать Белла, а она получалась Любена, от первых слогов имен родителей. До сих пор вспоминаю, как тогда две мои лучшие подруги – сестры-погодки – плакали, обнимая меня на прощанье. Я не понимала, почему они плачут. В мою детскую голову просто не укладывалось, что, между нами, скоро будут две с половиной тысячи километров, и мы уже не сможем каждый день видеться. Я была охвачена ощущением приключения – переездом – и не думала о плохом. Я пообещала моим подругам звонить и приезжать, как будто это было так просто...

Сначала мы заселились к моим бабушке и дедушке. Это была половина двойного дома с тремя комнатами. Вшестером в трех комнатах было тесно, а если учесть характер моего деда – то жить в такой обстановке было практически невозможно.

Дед всегда сидел у печки и курил в открытое поддувало. Он материл бабушку, маму, политиков и весь мир. Меня дедушка никогда не материл, а добродушно вспоминал те времена, когда он был вынужден со мной водиться. Я была единственная, с кем он когда-либо водился. Он частенько выпивал и был довольно-таки вспыльчивым человеком. Но больше всех доставалось от него моей активной и впечатлительной маме. В общем, долгое время мы не могли в таких условиях жить. Мы срочно искали дом.

Быстро найти добротный дом моим родителям не удалось, они купили старенький домик, чтобы жить отдельно от бабушки с дедушкой. Хозяин нового дома недавно скончался от старости. Они покупали этот домик временно, благо у них было достаточно денег на счете от продажи квартиры, дачи и папиного трехколесного мотоцикла. В планах была покупка более добротного и большого дома.

Это было в 1991 году, а в 1992-м правительство перестало контролировать цены. 2500% инфляции сожрали все сбережения моих родителей, и они так и остались жить в старой, холодной халупе.

Зимой у нас в доме замерзала вода на полу, туалет был обычной дыркой в земле в будке на улице. Мама вставала в шесть утра и начинала топить большую печь в центре дома, иначе ни один из детей не высунул бы носа из-под одеяла.

В новой школе

Школа находилась далеко, а автобусы ходили редко и нерегулярно. Неуютно было в новом доме, а в новой школе было еще неуютнее.

Старорежимной директрисе я с первого взгляда понравилась, так как скромно улыбалась, на моей шее алел пионерский галстук. А вот мой брат ей не пришелся по душе, он был без галстука, и она его вскорости выжила. Он перевелся в другую школу, которая находилась еще дальше. А меня, хорошую девочку, определила в 5 «А», самый лучший класс в параллели, где учились дети директоров и влиятельных людей.

Меня представили в новом классе, и я по-доброму улыбнулась новым одноклассникам. Я не замечала, что меня недовольно и оценивающе разглядывали. Это был урок литературы и русского. Мы писали сочинение. К моему несчастью, я написала хорошо. И к еще большому несчастью, учительница поставила мне лучшую оценку, а затем зачитала мое сочинение и похвалила меня. Это был мой конец, началась откровенная травля. Сынки директоров с этого дня с утра до вечера дразнили и высмеивали меня. На вечере танцев никто со мной не танцевал, даже девочки не хотели дружить со мной, опасаясь насмешек. Им играло на руку то, что мои родители были бедны, я всегда одевалась немодно и у меня не было карманных денег.

Внезапно весь мир стал против меня. Это было шоком. «Как же так? – думала я. – Ведь раньше меня все любили». Я ничего не понимала. Каждую ночь мне снились кошмары, и я боялась засыпать, в слезах я забиралась в кровать родителей, но они посылали меня обратно в мою постель. Я рассказывала, что происходит, но мама говорила: «Не обращай на дураков внимания».

А я не могла не обращать, мне становилось все хуже и хуже. Я стала чувствовать слабость и не могла справляться с делами. Мама называла меня ленивицей. Под конец я и в самом деле заболела, была апатичной, слабой, мама испугалась и повела меня к врачу. «Все в порядке», – сказал врач. Но мне было все так же плохо, кошмары все учащались, я уже днем стала всего пугаться. Мне мерещились злые духи и домовые. Обстановка в школе становилась все хуже и хуже. Даже те девочки, которые ко мне, как я думала, хорошо относились, предали меня, высмеив перед всеми. Я не знаю, как я тогда не сошла с ума.

Мама сильно беспокоилась за меня, но я больше не рассказывала ей про травлю в школе, и она решила, что я просто больна. Она таскала меня по колдунам и экстрасенсам всех мастей. Мне давали какие-то чудо-лекарства: вытяжку из пантов марала, сок хвои, кололи АТФ. Надо мною махали руками и выгоняли злых духов. Ничего не помогало, но зато я увлеклась оккультизмом, так же, как и моя мама.

Я читала газетки, в которых были изображены злые инопланетяне, и, закрывая глаза, совершала «астральные путешествия», а потом зарисовывала то, что я себе нафантазировала. Маги и экстрасенсы, с которыми общалась мама, наперебой хвалили меня за это и говорили, что у меня дар.

В лице

Спасло меня то, что я через четыре года психопыток в школе поступила в СУНЦ УрГУ, а попросту лицей при Уральском государственном университете. Туда поступали одаренные дети со всей области и учились там в десятом и одиннадцатом классах или только в одиннадцатом. Все были там новички и неглупые, поэтому травли как таковой вообще не было, напротив, все были дружелюбны и веселы.

В лицее я оттаяла, нашла друзей и даже встретила первую любовь. В мои пятнадцать я стала самостоятельной, но к этой самостоятельности я не была готова. Чего я только не попробовала: начала курить, пить алкоголь, по ночам мы сбегали на рок-дискотеки. Это было невероятно весело, но мой организм не справлялся. Четыре года травли в школе нанесли удар по моему здоровью и иммунитету. У меня просто не было ресурсов для нездорового образа жизни в лицее. Я начала болеть. Вроде бы это были просто простуды, ангины и грипп, но я слишком часто лежала в постели с температурой под сорок и не могла быть с моими друзьями. Слабость, которая началась в школе, усилилась в лицее.

Но я все равно была счастлива, хоть я подсознательно и думала, что я недостойна хороших друзей. Друзья меня не оставляли, я больше не была изгоем, а была частью коллектива. Внутренний надрыв и неуверенность в себе иногда выходили наружу, но мой молодой человек Сергей и друзья снова заставляли меня чувствовать себя нужной и важной.

Внутренние установки, что я их не заслуживаю, все же заставят меня позже отдалиться от моих друзей, но об этом в следующей главе.

В университете

По окончании лицея мы сдавали экзамены – выпускными из школы и одновременно вступительными в университет. Я выпустилась из химико-биологического класса в лицее и выбрала для учебы в университете факультет экологии. Меня всегда интересовала природа, также я видела, во что мы превратили реки и леса и как от нас, людей, страдает окружающий мир. Мне хотелось сделать что-нибудь хорошее для земли и природы. С детства я была идеалисткой, мечтающей изменить мир.

Учеба в университете разбросала моих друзей кого куда. Диана, которая мне казалась самой классной и крутой из нас, пошла учиться в политехнический институт. Она была солисткой в рок-группе и знала всех музыкантов в городе. Я никогда не могла понять, почему она со мной дружит.

Моя первая любовь – Сергей, который обожал компьютеры и сейчас работает программистом, поступил на математический. Факультет находился в другом здании университета, так что мы теперь меньше виделись.

Моя самая близкая подруга – Илона осталась со мной, она поступила на биологический факультет, и мы поселились в одной комнате в общежитии.

С Дианой я потеряла контакт довольно-таки быстро. От Илоны я переехала к моему парню, и мы общались все меньше и меньше. Но вскоре произошел разрыв и с Сергеем.

Сегодня я почти уверена, что все эти разрывы и отдаление от друзей я создала сама, вернее, мое подсознание, которое считало, что я всего этого недостойна. Даже сейчас я могу очень четко воспроизвести это чувство. Хотя я и наслаждалась нашей дружбой, в глубине души не понимала, почему эти классные люди вообще со мной общаются. За четыре года травли в школе я внутренне сломалась. У меня не было и мысли, что во мне есть хорошие и ценные качества. Меня просто невозможно было любить, думала я.

Могу привести пример, как проявлялось это мое бессознательное сомнение в моей ценности. Мой парень жил со своей мамой, его отец жил отдельно. Его папа был ювелиром и очень обеспеченным человеком. Он женился на молодой и красивой женщине, и у них была маленькая дочка. Как только Сережа познакомил меня со своим папой, мне стало очень плохо. Я сразу почувствовала себя не в своей тарелке, мне казалось, что я не так одета, не то говорю и вообще недостойна находиться в обществе этих людей. Много лет спустя мне стало понятно, что эти люди очень дружелюбно со мной общались, меня приняли с распростертыми объятиями, но я видела только отторжение. Я просто создавала этот образ у себя в голове, потому что это было для меня привычно.

К окончательному разрыву привела сплетня, что Сергей на своем факультете флиртовал с другой девочкой. Для меня это был конец. Мои опасения подтвердились. Я была недостойна его, не стоила счастья, и конечно же, мой парень должен был меня покинуть, так я думала. Я поверила слухам, а не Сергею, который говорил, что любит меня.

Через пару месяцев я снова к нему вернулась – только для того, чтобы снова по какому-то пустяковому поводу его бросить. Я просто действовала на опережение. Я сама уходила до того, как Сергей до конца мог разобраться, какое же я ничтожество, и меня оставить.

Только спустя многие годы я поняла, что со мной происходило, а тогда я не понимала, что мною двигало, не понимала своих подсознательных убеждений и катилась под гору – прямиком в секту Руднева.

В общежитии брата

После разрыва с Сергеем и отдаления от моих подруг я поселилась у моего брата в общежитии политехнического института. Брат как раз жил в комнате один, так как два его соседа уехали на лето к родственникам. Мне не хотелось ехать на каникулы к родителям, так как они сразу бы начали расспрашивать про Сергея и жалеть, что мы расстались, а вот сожалений мне в эти дни совсем не хотелось, особенно от родителей.

В общежитии политеха не было лифта, и каждый этаж лестничной площадки демонстрировал свои «красоты»: разрисованные стены, туалетные запахи, окна, заколоченные досками... Около входа обычно сидела консьержка, но ей было все равно, кто и когда в общежитие входит и выходит из нее. Интересно, что я поселилась в общежитии политеха, даже не являясь студенткой политехнического института. Дело в том, что никто не проверял наших документов, и я могла спокойно бесплатно жить там, сколько моя душа пожелает. Моим же местом учебы оставался университет, факультет экологии.

Я страдала, как собака без хозяина. Расставание с Сергеем оказалось все же намного сложнее, чем я думала.

Чтобы хоть как-то облегчить душевные страдания, я прибегла к известному способу, который применяли тысячи девчонок до меня, – смена прически. Я ее кардинально сменила – от длинных волос до пояса до короткой стрижки под мальчика. Но новая прическа хоть мне и нравилась, но против сердечной боли не очень-то помогла. Я была почти всегда одна. Брат влюбился и почти все время проводил у своей подруги или на подработке. В новом общежитии было ужасно скучно, учебы не было, так как были летние каникулы.

Однажды вечером в соседней комнате началась вечеринка. Кто-то отмечал день рождения. Громкая музыка и запах сигарет просачивались через щели в двери в мою одинокую комнату, заставляя меня чувствовать себя еще паршивее.

Но вдруг, о чудо, кто-то постучал в дверь. Наконец-то хоть какое-то событие! Я осторожно открыла дверь и посмотрела в щелку. В темноте коридора стоял низенький, коренастый, лохматый блондинистый детина с пятидневной щетиной на лице. Он был неопрятно одет, один угол его рубашки неряшливо торчал из штанов. Но если хорошо приглядеться к лицу, он не был уродом. Особенно выделялись его темно-серые глаза и темные брови.

– Я Мишка, – представился он. – Хочешь с нами посидеть? А то я смотрю, ты тут одна в комнате, скучно, наверное?

– Привет, Миша, меня зовут Наталья, – ответила я, почему-то застенчившись, – спасибо за приглашение, но мне вообще-то не скучно, я лучше здесь посижу.

– Да ладно ты, что дома-то сидеть, пошли к нам, у меня день рождения!

– Ой, – растерялась я. – С днем рождения, счастья и здоровья! А как же я на день рождения без подарка пойду? Нехорошо как-то.

– А ты сама как подарок, – заулыбался Мишка и вытащил меня за руку из моего убежища за дверь.

Я не сильно-то сопротивлялась, жизнь меня еще не научила четко говорить «нет». Мишка притащил меня в соседнюю комнату, в которой было сильно накурено. Посередине стоял стол, на котором были три бутылки водки – одна уже полупустая и две полные, открытая банка соленых огурцов, буханка хлеба, от которой уже кто-то отломил пару кусков, полиэтиленовый мешок с сосисками и переполненная окурками пепельница. Две кровати были подвинуты к столу и использовались в качестве скамеек двумя уже подвыпившими детинами и двумя также захмелевшими и веселыми девицами. Мишка приобнял меня, обдав перегаром. Это было очень противно, и я отстранилась. Меня посадили за «праздничный» стол.

Поморщившись, я выпила первую рюмку водки. У нее был отвратительный вкус, к тому же она была теплой, но я храбро пила рюмку за рюмкой, чтобы поскорее забыть мои любовные страдания. Водка быстро сделала свое дело, и я почувствовала себя свободно и раскрепощенно. Мишка перестал пахнуть перегаром и стал привлекательным и даже похожим на певца группы «На-На». Пьяные девицы стали милыми, как сестры, а водка не была уже такой противной. Мы тянули сигарету за сигаретой, так что пришлось уже второй раз опустошать пепельницу. Я уже давно заметила, что когда люди выпивают, то увеличивают потребление сигарет в два-три раза, а то и больше.

Когда водка закончилась, девицы с их парнями начали обниматься и целоваться и вскоре уже скидывали с себя одежду. Я почувствовала себя не в своей тарелке и засобиралась к себе в комнату.

– Я провожу, – галантно предложил Мишка.

– Хорошо, – согласилась я.

Я уже довольно сильно опьянела и соображала весьма туго. Что Мишка не только из рыцарских чувств меня провожает, как-то не пришло мне в голову. Около дверей в комнату брата мы остановились.

– Пока, – сказала я, – спасибо за приглашение и приятный вечер.

Я была воспитана быть очень вежливой во всех ситуациях. Даже в состоянии опьянения я оказалась не в состоянии быть грубой или невежливой.

– Давай еще вместе покурим, – предложил Мишка.

– Давай, – согласилась я, хотя на самом деле мне очень хотелось спать.

В этот вечер я выкурила и так слишком много сигарет. Мне казалось, что у меня из ушей уже идет дым. Мне было очень сложно сказать «нет», а еще сложнее – огорчить кого-нибудь, даже если это человек, которого я знаю всего два-три часа.

Мы курили, при этом Мишка прижимался ко мне все теснее и теснее, обнимая меня за талию. Когда сигареты догорели, Мишка поцеловал меня. Я была совсем не в восторге от поцелуя, но не отвергла его, опять же боясь огорчить парня. После поцелуя я попыталась проскользнуть в комнату брата, но Мишка не выпускал меня из объятий. Я вывернулась и все же проскочила в комнату, но детина поставил ногу между дверью и косяком, не давая закрыть дверь.

– Ну что ты, – пробормотал он, – мы же так хорошо проводим время. Давай еще немного пообщаемся, – и при этих словах он все дальше и дальше протискивался ко мне в комнату.

Я не кричала и не звала на помощь. Я считала себя жестокой, так как ушла от своего бывшего и страдала от чувства вины. Оно было таким большим, что не позволяло мне видеть мир реально. К тому же огромное количество алкоголя, выпитого за вечер, и усталость давали о себе знать.

Чувство вины зудело в голове и говорило:

– Вот, ты такая плохая девочка, заставила хорошего парня страдать из-за твоего эгоизма, а сейчас и Мишку хочешь огорчить.

Я сдалась и перестала сопротивляться натиску Мишки, хотя мне и было очень противно. Мишка, преодолев барьер двери, начал толкать меня в сторону кровати, обнимая и лапая меня.

Не буду описывать это вялое и пьяное насилие, которое надо мной совершалось. Конечно, ведь я думала, что не стою хорошего отношения.

Когда все закончилось, мне хотелось кричать и рыдать, я просто не могла больше выносить присутствие пьяного убудка и вытолкала его наконец за двери.

Мишка еще час стоял у двери, стучал и просился войти, но теперь я была непреклонна. Меня трясло от отвращения, и я чувствовала себя грязной. Еще раз пережить такое унижение я была не готова. Чувство отвращения к себе перевесило все мои до этого пережитые эмоции. Это было очень странно, но я не злилась на Мишку. Как и многие русские женщины, я отно-

силась со странным снисхождением к тем отвратительным вещам, которые мужики делают в состоянии алкогольного опьянения. «Он же был пьяный и поэтому не совсем отдавал отчет в том, что делает», – думала я, оправдывая не имеющее оправдания поведение Мишки.

А Мишка больше никогда не приходил и не тревожил меня, чему я была несказанно рада. Возможно, он все забыл, а возможно, протрезвев, тоже испытал отвращение от своего поведения.

К сожалению, я тогда и не думала о том, что мне очень нужен поход к психологу. Вместо этого я находилась в поиске каких-то высших истин, которые избавят меня от моих мучительных чувств и поведут к свету и добру.

Я надеюсь, дорогие читатели, что вам не очень скучно от описания моей жизни до секты. Я просто думаю, что для понимания причин прихода в секту важно знать, что было до этого.

Пару дней после Мишкиного дня рождения Сергей, мой бывший, навестил меня. Разговор был непростой. Он уговаривал меня вернуться к нему и говорил, что любит. Я скучала по нему, но вернуться не могла. Если бы я могла вернуться в тот момент с моими нынешними осознаниями, я, конечно, дала бы нашим отношениям еще один шанс. Сергей был добрый и хороший парень, и мы подходили друг другу. Тогда бы я, возможно, не попала в секту и не должна была бы проходить через все пытки и голод. Но прошлого не изменить, а те осознания, которые приходят с опытом, невозможно трансплантировать в прошлое.

– Я же тебя люблю, девочка, – говорил Сергей, пытаясь меня обнять. Я ничего не ответила, но отстранилась, хотя у меня и наворачивались слезы на глаза.

Ничего не добившись, Сергей отправился домой. А я продолжала жить в комнате брата одна.

Знакомство с Богданом

Одним прекрасным утром я пошла за покупками. Хлеб кончился, масла почти не осталось, да и все остальное подходило к концу, только остатки копченой курицы, которые я вчера не доела, лежали еще в холодильнике. Я зашла в магазин за углом, набрала полную сумку продуктов и, отдыхая через каждые три этажа, потащила их на девятый. Мне, заядлой курильщице, не хватало дышалки, чтобы без остановок донести еду к себе.

Войдя в комнату, я с криком уронила сумку на пол: за столом сидел совершенно незнакомый парень и уминал мою копченую курицу! Это было просто неслыханной наглостью.

– Что ты тут делаешь? – возмущенно спросила я, на всякий случай пятясь к двери.

– Это я тебя хочу спросить: что ты тут делаешь? – нагло ответил незнакомец, вставая с места.

– Ничего себе! – возмутилась я. – Проник в мою комнату, нагло жрешь мою курицу, да еще и спрашиваешь, что я тут делаю! Я тут, между прочим, живу!

– И я тут живу, – сказал незнакомец.

У меня вытянулось от удивления лицо. Как же так, неужели сосед брата раньше времени приехал?

– Я Димкин сосед по комнате, – сказал незнакомец.

– А я сестра Димки, – ответила я.

– Меня зовут Богдан, – сказал парень, протягивая руку.

– А меня Наташа.

– Вот и познакомились, – заулыбался Богдан.

Это был невысокий, худощавый, рыжеволосый парень с выделяющимся на лице острым носом, с серо-голубыми глазами, окруженными светлыми ресницами, на лице – рыжие брови и трехдневная щетина. Богдана нельзя было назвать красавцем, но его лукавая улыбка понравилась мне.

Но тут я вспомнила про курицу:

– Эй, даже если ты и сосед брата, это тебе не дает права есть без спроса мою курицу!

– Извини, я не думал, что ты здесь живешь.

– Ну да ладно, что поделаешь, и без курицы не умру, – сказала я.

После этого разговора Богдан исчез и вскоре вернулся со связкой бананов и шоколадкой.

– Это тебе за курицу, – радостно сказал он.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Брат был, как всегда, у своей подруги. Он появился на полчаса вечером, а потом опять исчез.

Мне было неловко, что мне предстояло ночевать с совершенно незнакомым парнем. Я заметила, что я Богдану очень приглянулась, что, в свою очередь, все же нравилось мне.

Брат рассказывал, что Богдан немного странный парень, у которого до сих пор не было девушки. Он все еще учился в институте, хотя ему уже почти тридцать лет.

Вечером я расположилась на диване, а Богдан лег на кровать. Среди ночи я проснулась от того, что кто-то влезал на мой диван. Я испугалась и вскрикнула.

– Не бойся, это я, – прошептал Богдан. – Я не могу уснуть, можно я рядом с тобой полежу?

Я немного опешила и не знала, что сказать. Богдан лег рядом. Мы молчали, но никто из нас больше не спал. Я думала о Богдане. Наверное, ему очень одиноко, ведь он наверняка был девственником. А я, похоже, ему очень нравлюсь. Он, наверное, только и ждет, что я сейчас повернусь и приласкаю его. Я сама была одинока, я хотела чувствовать себя желанной и красивой, я хотела сделать счастливым этого одинокого и странного парня, чтобы не чувствовать

себя такой ничтожной и никому не нужной. Я повернулась к Богдану и поцеловала его. Так начались наши отношения.

Вскоре Богдан раздобыл для себя отдельную комнату в общежитии, куда мы и переехали. Брат Димка был не в восторге от того, что я начала отношения с Богданом. По мнению брата, Богдан всегда был неудачником. Я же отличалась большим упрямством. Если я что-то решила, то меня было очень трудно переубедить. Я была уверена, что люблю Богдана и хочу с ним жить. Со временем я даже стала мечтать выйти за него замуж, но этому не суждено было случиться. К сожалению, я попала в секту Руднева, а Руднев очень отрицательно относился к созданию семьи. И конкуренцию в виде «бомжей» он тоже не терпел. Если хотите узнать, кого в секте называли бомжами, загляните в словарь в конце книги.

А пока мы жили в общежитии политехнического института душа в душу. Мы были по-своему счастливы. Я была счастлива, потому что чувствовала, как счастлив Богдан и с каким обожанием он всегда на меня смотрит. А Богдан был счастлив, что он был не одинок.

Начался учебный год, и я снова стала посещать университет. Он находился довольно далеко от общежития политехнического института, но я все равно в основном ходила пешком. Самой большой проблемой в нашей счастливой жизни была нехватка денег. Богдан выдавал мне небольшую сумму по утрам, и я могла выбирать: или ехать на автобусе, или в универе съесть суп с хлебом. На второе бы все равно не хватило. Богдан подрабатывал параллельно с учебой. Я получала малюсенькую стипендию, но ее не хватало и на неделю.

Богдан почувствовал, что его жизнь больше не такая безнадежная, как он до этого думал, и всерьез взялся за учебу. Это было очень мудрое и своевременное решение: Богдана уже собирались отчислить за пропуски. Поэтому он все свое свободное время корпел над чертежами. Я немного скучала. Это было не так уж и плохо, потому что от скуки я тоже взялась за учебу. Из хорошистки я очень быстро превратилась в отличницу. И так длилась наша счастливая и скромная жизнь ботаников довольно долго. Почти два года.

Богдан наконец-то окончил институт и получил диплом. Мы все еще продолжали жить в общежитии политехнического института, так как там очень плохо контролировали, кто уже закончил учебу, а кто нет.

Как оказалось, Богдан вовсе не получал отдельную комнату, а просто использовал жилплощадь своего приятеля, который хотя и числился в институте, но уже давно не ходил на занятия. Бесплатная комната была для нас очень кстати, так как у нас каждый рубль был на счету.

Первое знакомство с сектой Руднева. Путь дурака

Все бы так и продолжалось и, наверное, закончилось бы после окончания вуза женитьбой и детишками. Но, к сожалению, мне вместо этого пришлось пройти через рудневский ад. А на дорогу к этому аду меня привел человек, которому я полностью доверяла, – мой брат.

Хочу сказать несколько слов о моем брате. Он в последнее время очень изменился. Дима стал намного энергичнее и общительнее. Раньше он был скромным молчуном, а теперь он вдруг стал организатором и заводилой. Его изменения мне, в принципе, очень нравились, и я спрашивала себя, как ему это удалось. Димка теперь постоянно смешил всех и все время находился в центре внимания. Мне бы и самой хотелось так измениться, вместо того чтобы, как обычно, скромно стоять в углу. Брат ходил на занятия по йоге и утверждал, что там учат не только сидеть в странных позах, но и танцевать, раскрепощаться, знакомиться с людьми. Это было все то, о чем я и сама мечтала.

Одним прекрасным днем мой брат подарил мне странную книгу. «Путь дурака» называлась она.

– Вот подарочек тебе, ты все говоришь, что ты очень скромная и необщительная, это тебе может помочь, – заявил он. – Эта книга помогает раскрепоститься и добиться успеха.

– Спасибо, – пробормотала я. Мне не очень-то понравилось, что он упоминает про мою скромность. Я этого очень стыдилась.

– Ты почитай, а самое главное, следуй тем советам, которые в этой книге даются, хоть это и не всегда легко будет сделать, – добавил брат.

Я взяла книгу и отправилась в комнату, где я жила с Богданом. Я всегда любила читать и читала много. Если книга была интересной, то я не могла остановиться и читала всю ночь до утра. А утром, когда мне надо было собираться в университет, я ругала сама себя за то, что теперь мне придется весь день бороться со сном, чтобы не заснуть на лекциях.

Вот и в эту ночь я не смогла отложить книгу в сторону, пока не дочитала ее до конца. В книге описывалась жизнь юноши по кличке Рулон. Когда он был маленький, он был слабым и забитым. Я сразу же начала отождествлять себя с героем книги. Рулона постоянно обижали хулиганы, пока он не встретил цыганскую девочку Марианну, которая научила его уверенности в себе.

В книге было очень много нецензурных выражений и мата. Рулон учил, что общество и семья только для того и созданы, чтобы использовать человека. Он писал, что рожать детей плохо для духовного роста. Очень многое было для меня шокирующим, но мне казалось, что в книге говорится истина. Наверное, потому что мне все, напечатанное в книгах, казалось тогда истиной. Рулон стремился к разотождествлению со своей слабой личностью, к тому, чтобы любую ситуацию видеть со стороны, проявляться гибко и умно, стать сильным и жестким, как хулиганы. А в конечном итоге он стремился к просветлению и избавлению от страданий. Он даже описал в книге тот момент, когда он «просветлел», а значит, стал таким же, как Христос и Будда.

Я всегда принимала очень близко к сердцу все прочитанное в книгах. Для меня было очень сложно не верить тому, что так убедительно написано. Я верила всему и немедленно хотела воплотить это в жизнь. Из книги о Рулоне я поняла, что всю свою жизнь жила неправильно и руководствовалась мамкиными программами. Мне немедленно нужно было менять мою жизнь.

Многие дни я ходила под впечатлением от прочитанного. Я старалась быть раскрепощеннее и активнее и быть немного похожей на Марианну из книги, но у меня ничего не получалось. Я подумала, что я, наверное, просто ни на что не гожусь и не могу работать над собой, и довольно быстро сдалась. Если бы не настойчивые техники вербовки, применяемые моим

братом, я бы не попала в секту, так как была просто слишком скромной, чтобы идти к таким, как мне казалось, крутым и раскрепощенным людям.

Вы не подумайте, что я обвиняю моего брата, что он меня завербовал, нет, от нас этого требовали в секте. Нас натаскивали, чтобы постоянно вербовать и приводить новых людей, объясняя это тем, что мы их тем самым спасаем. В общем, мой брат меня любил, и приведя в секту, он меня «спасал».

Бросая взгляд назад, я думаю, что, скорее всего, я бы оказалась в движении анастасиевцев, организованного Владимиром Мегре. Это движение более подходило мне по духу и влекло меня. Оно тоже считается сектой, но такой тоталитарности и насилия, как в секте Руднева, меня бы у анастасиевцев не ожидало.

Перед окончательной вербовкой в Школу Шамбалы у меня было еще несколько свободных месяцев, которые я потратила на обустройство жизни с Богданом и на мои духовные поиски.

Духовные поиски среди звенящих кедров

С моими старыми друзьями я почти не виделась. После длительного одиночества я все же сблизилась с одной сокурницей. Она сильно сутулилась, носила очки, и у нее, как и у меня, не было друзей. Я ей рассказывала о моих духовных метаниях и поисках, она мне – о том, как ей нравится играть различные роли. Она мечтала стать актрисой.

Она знала, что я люблю читать, и однажды подарила мне книгу. Надо заметить, что многие секты вербуют с помощью книг. Видимо, в нас глубоко сидит уважение к напечатанному слову. Так вот, книга, которую она мне подарила со словами, что я ее обязательно должна прочесть, называлась «Анастасия» и была написана неким Владимиром Мегре.

Нет лучшего подарка для меня, чем книга. В тот же вечер я буквально проглотила тоненькую книжицу. Я поняла сразу, что это мое. Природа, любовь, сверхспособности сибирской отшельницы сразили меня. Это немедленно стало для меня истиной в последней инстанции. Это было очень созвучно моей душе. В общем, я была влюблена в Анастасию, в ее идеи и хотела немедленно действовать так, как там написано.

Нужно заметить, что книги Мегре очень сильно направлены на эмоции, они так их раскачивают, что критичность уменьшается. В его книгах есть сильный контраст между технократичной цивилизацией и прекрасной отшельницей, помогающей дачникам и обладающей суперспособностями.

Очень скоро я прочитала все книги Владимира Мегре про Анастасию, которые к тому времени были изданы. Рулон с его просветлением отошел на задний план. Теперь я мечтала о собственном гектаре земли на природе и еще не знала, что я уже находилась под прицелом секты Руднева и очень скоро меня, как попавшуюся на крючок рыбу, вырвут из моей привычной среды и бросят в очень трудные, недружелюбные условия.

Долгое время я читала книги Мегре и мечтала о том, как я буду жить на природе и рожать прекрасных и чистых детей вдали от влияния цивилизации. Я была так вдохновлена идеями сибирской отшельницы, что даже начала продавать книги Мегре в электричках. Но это дело у меня не пошло, так как я очень стеснялась, и конечно же, очень немногие люди покупали книги у скромной девушки с тихим голосом.

В конце концов остаток книг, которые я не смогла продать, оказался у моей мамы. Мама прочитала книги, вдохновилась ими – и в мгновение ока она уже распродала все экземпляры. Моя мама всегда обладала огромным зарядом энтузиазма и энергии. Если ей что-либо нравилось, она заражала своим восторгом всех окружающих. Я была очень довольна, что мама продала все экземпляры, и решила погостить у мамы подольше.

Обратно к истокам. Я становлюсь ярой христианкой

На Анастасии мои духовные поиски не закончились. К маме приехала моя подруга детства, чтобы увидеться со мной. Марина стала очень верующей православной христианкой.

С момента, когда мы в последний раз виделись, Марина очень изменилась. Ее симпатичное лицо стало каким-то сосредоточенным и немного печальным. Марина носила длинные широкие юбки, блузки с длинными рукавами и даже иногда платок на голове. Вся одежда ее была темной, обувь всегда без каблука.

Я рассказала Марине про Анастасию, а Марина мне – про то, что она теперь, возможно, уйдет в монастырь. Марина тоже проделывала свой трудный путь, пытаясь уйти из реальности, где были пьющие родители, завистливая сестра и отец-психопат.

Марина молилась трижды в день и ходила в церковь как можно чаще, иногда по несколько раз в неделю. У нее была сестра Лиля, вместе с которой ее крестили в нашей церкви. Моя мама была крестной обеих девочек, так что мы были своего рода сестрами. Для Лили крещение было чем-то второстепенным, и она очень быстро забыла о том, что должна ходить в церковь и регулярно причащаться. Для Марины же крещение оказалось чем-то вроде второго рождения. Это событие перевернуло всю ее жизнь, и она старалась с каждым днем становиться все лучшей и лучшей христианкой.

Меня pokrестили, когда я была очень маленькой. Бабушка рассказывала, что меня крестили даже два раза. Один раз – у какой-то набожной бабушки на дому, так как было советское время и попасть на крещение в храм было непросто. Но моей бабушке этого показалось недостаточно, она все же добилась того, что меня по всем правилам pokrестили еще и в храм.

Несмотря на два крещения, святой дух в меня не вселялся, и я не стремилась становиться хорошей христианкой. Меня страшно утомляли длительные службы в церкви, во время которых нужно было стоять по несколько часов и не разрешалось садиться. К тому же к причастию нужно было приходиться голодным, что мне уж совсем претило. Когда я была голодной, у меня кружилась голова и было плохое настроение. Однажды я даже потеряла сознание во время службы. Возможно, это случилось из-за духоты и голода. Слава богу, я очень быстро пришла в себя, но после этого сразу пошла домой, решив не дожидаться причастия. Я бы с удовольствием перестала ходить в церковь совсем, но чтобы не расстраивать мою набожную бабушку, все же изредка подвергала себя этой муке.

Марина сразу же захотела посетить церковь. Мне было лень туда идти, но чтобы угодить подруге, которую я не видела целый год, я пошла с ней в храм. У меня вообще было огромное стремление угождать всем людям. Я беспрестанно пыталась всем понравиться. И вот теперь пыталась понравиться подруге. Марина не одобрила Анастасию, и я больше не заговаривала о ней. Вместо этого я постоянно слушала, что рассказывает Марина. Она говорила о Боге, о вере и как настоящему христианину надо себя вести. Она также рассказывала о грехах, о том, что необходимо постоянно следить за собой, отслеживать каждое неправильное действие и потом каяться.

Марина была очень скрупулезна в отслеживании грехов. Она исписывала каждую неделю несколько страниц своими грехами и затем зачитывала их во время покаяния. Внезапно я почувствовала себя в присутствии такой набожной подруги совсем грешной и решила тоже вместе с Мариной каяться в своих грехах и регулярно ходить в церковь.

Для меня это потребовало большого преодоления. Причиной было то, что я жила в гражданском браке с Богданом. Прелюбодеяние считалось в церкви смертным грехом. Что такое «смертный грех», я до конца не понимала, но это звучало в моих ушах ужасно. Прелюбодеяние ставилось на одну ступень с убийством, что было очень странно для меня. Убийство казалось ужасным преступлением, а прелюбодеяние, наоборот, довольно приятным занятием. Но

если Церковь говорит, что прелюбодеяние – это очень плохо, то, наверное, в этом есть смысл, думала я. После длительных колебаний я решила покаяться в прелюбодеянии. Под прелюбодеянием я понимала секс вне брака. Марина же мне объяснила, что даже мысли про секс являются грехом.

Я села писать список. Оказалось, что грехов у меня было очень много. Мне было страшно идти на покаяние. Но в то же время мне очень хотелось очиститься и стать хорошей.

Я собрала всю смелость в кулак и пошла с Мариной в церковь. Мы проснулись ни свет ни заря и, не позавтракав, отправились пешком в храм. Идти было примерно три километра. Хотя было лето, утро выдалось прохладное, мы мерзли.

Церковь для маленького городка, где жили мои родители, была очень большой и красивой. Она высилась над крошечными деревенскими домиками, гордо показывая небу свои зеленые купола. Позолоченные кресты украшали их. Стены церкви были белоснежными. Напротив находилось недавно построенное здание из красного кирпича, куда перенесли киоск, торговавший церковными книгами, иконами и свечами. Комната для покаяния тоже теперь находилась в новом кирпичном здании. До постройки дополнительного здания люди калялись в основном здании церкви во время службы, заходя к священнику за перегородку. Перегородка, украшенная иконами, обеспечивала защиту от взглядов, но плохую звуковую изоляцию. Я была рада, что теперь есть отдельная комната для покаяния, я не сильно-то хотела, чтобы полцеркви слышали мои грехи.

Мы пришли очень рано, в церкви было еще довольно пусто. Марина знала все иконы, она сразу же накупила свечей и подходила ко всем иконам по очереди, зажигая свечи, молясь и целуя каждую икону. Я немного стеснялась, но повторяла за подругой, хотя я не ставила столько свечей и вовсе не целовала иконы. Мне казалось, что целовать иконы очень негигиенично.

У меня была любимая икона, около которой я всегда стояла во время служб. Это была икона Симеона Верхотурского. Он был изображен на фоне леса, в простой зеленой рубашке, в холщовых штанах и в лаптях. Мне очень нравился его взгляд: такой бесхитростный, добрый и спокойный. Остальные святые смотрели или с осуждением, или страдальчески, или совсем отсутствующим взглядом. Также я любила изображения Богородицы. Мне казалось, что Мария смотрит с любовью и пониманием.

Вскоре церковь наполнилась народом, и началась служба. Служба длилась, как всегда, невыносимо долго. Мне было плохо. Болели плечи, тошнило от голода, кружилась голова, я была близка к обмороку. Народу было столько, что казалось, если я расслаблюсь и перестану держаться на ногах, то все равно останусь стоять, так как плотно стоящие вокруг люди меня слишком сильно подпирают. От волнения у меня стало сводить живот, и мне пришлось два раза во время службы выбираться из толпы и бежать в туалет.

Наконец три часа службы прошли, и пришло время для покаяния. Марина и я вышли из церкви и пошли в дом из красного кирпича. Воздух на улице показался мне таким чудесным и свежим. Людей, желающих покаяться, было в этот день немного. Первой зашла моя подруга, затем я.

Комнатка для покаяния была довольно маленькой, сквозь небольшое окошко проникало недостаточно света, поэтому над небольшим иконостасом горела дополнительно небольшая лампочка. Священник, одетый в свою длинную золотую ризу, стоял перед иконостасом, держа в руке большой металлический крест. Он велел мне опуститься на колени и протянул мне крест для поцелуя. Я покорно поцеловала крест.

– Как твое имя? – спросил священник.

– Наталия.

Священник пробормотал какую-то волшебную формулу с моим именем, я не поняла ни слова. Он перекрестил меня, и мне можно было начинать.

Я вытащила из кармана мой список и зачитала его священнику. Дойдя до пункта «прелюбодеяние», я бросила взгляд на лицо священника. Тот нахмурился. Мне стало стыдно. После покаяния священник отпустил все мои грехи, однако сказал, что так как прелюбодеяние смертный грех, он пока меня не может допустить к причастию. Чтобы мне снова разрешили причащаться, нужно каждый день по полчаса читать молитвы, ходить каждую неделю в церковь на покаяние и никогда больше не прелюбодействовать. Я должна была или повенчаться с Богданом, или больше не заниматься с ним сексом.

Я вышла немного подавленной. Я не могла себе представить, как же мне объяснить Богдану, что я больше не буду с ним спать, а если он со мной хочет спать, он должен на мне жениться. Это была большая проблема – побольше, чем зачитать список грехов священнику.

Марина пошла после службы на причастие, а я, которой этого было нельзя, чувствовала себя обделенной и грешной. На выходе Марина раздала очень щедрую милостыню нищим, стоящим у церкви. И опять я почувствовала себя недостаточно хорошей и щедрой. У меня не было столько денег, чтобы давать такую щедрую милостыню. В общем, после этого утра я чувствовала себя отвратительно. Только одно радовало – предстоящий обед.

Но за обедом я опять почувствовала себя грешницей. Марина соблюдала пост: она не ела мяса, рыбы и молочного, в то время как я ела все подряд и с большим аппетитом.

Я начала каждый день читать молитвы, как мне наказал священник. Я морально готовилась к разговору с Богданом и очень боялась этого. Я сама понимала, насколько смешотворны мои требования. После года совместной жизни я вдруг меняю мое мнение и заявляю: «Дорогой, я больше не буду спать с тобой, потому что это грех». Мне самой тоже не хотелось отказываться от регулярного секса, но желание быть хорошей и правильной в тот момент преобладало.

Сейчас я думаю, что я упорно не хотела брать ответственность за свою жизнь и поступки и лихорадочно искала того, кому бы эту ответственность передать. Мне так хотелось наконец почувствовать себя в безопасности, найти духовную гавань, и чтобы мне кто-то мудрый объяснил, что хорошо, а что плохо. Я думаю, что именно нежелание взять ответственность за свою жизнь и поступки очень часто приводит людей в секты.

Марина вскоре уехала, а я осталась еще на пару недель погостить у родителей, благо было лето и каникулы.

Неожиданно и Богдан приехал к моим родителям, так как соскучился по мне. Как только мы остались наедине, я сказала, что больше не собираюсь с ним спать. Богдан сначала не поверил. Но когда я все же убедила его, что я не шучу, он так возмутился, что выбежал в ярости в огород, чтобы немного успокоиться. Богдан был очень зол на меня, ему казалось, что я сошла с ума. Я пыталась его успокоить, говоря, что это не насовсем. Я предложила, что мы могли бы пожениться, и тогда нам снова разрешат заниматься сексом.

– Ну что за глупости! – возмутился он. – Все было хорошо, и словно гром среди ясного неба, на тебе, не будем заниматься сексом!

– Но можно же пожениться... – пыталась оправдаться я.

– Я из-под палки жениться не буду! – категорически заявил Богдан и был прав.

Я ничего на это не сказала. Мне было, с одной стороны, обидно, что Богдан не хочет на мне жениться. С другой стороны, я его понимала, поэтому не очень злилась. Зато я испытывала огромное чувство вины. Это я была виновата, что Богдан теперь страдает. И зачем только я ходила на это покаяние! Но я всегда отличалась упрямством. Если уж я что-то начала, то старалась всегда доводить начатое до конца. Я не сдавалась. Богдан вскоре уехал в полностью расстроенных чувствах, оставив меня не менее расстроенную у родителей. Погостив еще пару недель, я вернулась в общежитие к Богдану.

Мне больше было некуда ехать, но я сразу же купила газетку и пыталась найти квартиру или комнату, которую я бы могла себе позволить. Позволить я себе ничего не могла. Но все же я позвонила по одному объявлению и хотела снять комнату за триста рублей в месяц. Я

собрала вещички и приехала в двухкомнатную квартиру неподалеку от вокзала. Жить бы мне пришлось с опрятной женщиной лет пятидесяти, в комнате было уютно и даже стоял телевизор.

Новое жилище имело только один изъян: после того как я распаковала вещи, хозяйка объявила, что комната вместо трехсот будет стоить пятьсот рублей. Мне пришлось снова паковать мою сумку и, как побитой собаке, возвращаться к моему Богдану. Я продолжала каждый день молиться и каждую неделю ходить в церковь. Богдан теперь должен был спать на полу, а я спала одна на кровати, сохраняя мое целомудрие. Все попытки Богдана забраться ночью на кровать я пресекала на корню.

Так как до учебы оставалась еще пара недель, я не знала, чем бы мне заняться. Я очень часто ходила к подругам и рассказала им про свое новое мировоззрение. К моему удивлению, одна из подруг – Света – рассказала, что она с детства хочет уйти в монастырь, если не навсегда, то на какое-то время. Мне идея понравилась. Мы решили, что пока не началась учеба, мы поедем в Верхотурье и постараемся остаться там, в женском монастыре, до начала учебы. Сказано – сделано. Это было странное приключение, которое продлилось одну неделю и показало нам другой мир.

Мы со Светой долго ехали на электричках, пока не добрались до Верхотурья. На родине моего любимого святого Симеона Верхотурского, около иконы которого я всегда стояла в церкви, было два монастыря. Мужской мы нашли сразу же, а вот женский пришлось поискать. Мужской был центральнее, ярче, богаче и более открытым. Женский – скромнее, уединеннее и, как мне показалось, печальнее.

Мы вломились на службу в женском монастыре и тут же заработали на орехи. На нас были джинсы, и у нас не было платков на головах. Слава богу, предусмотрительная монашка выдала нам запасной инвентарь, и мы подпоясались одолженными юбками, похожими на слишком широкие фартуки. Платки, пахнущие ладаном, нам тоже выдали.

Службы – это утомительное дело, Света быстро выдохлась, тем более что мы почти всю ночь провели в электричках. Но во мне проснулась какая-то одержимость и решимость все выстоять, только бы изменить то ничтожество, которым я себя считала. Мне тогда было не ясно, что это чувство ничтожности являлось всего лишь результатом четырехлетнего моббинга в школе. Мне было плохо, и я стремилась всеми правдами и неправдами это изменить.

В общем, бедная Света, видя, что я не сдаюсь, тоже достояла службу. После этого с нами беседовала матушка, и нам разрешили остаться на неделю в качестве послушниц. В нашей келье были печка и маленькое окошко, в углу, как полагается, божничка, стены были выбелены голубой известкой.

Это была странная и спокойная неделя. Службы, трапезы, молитвы и послушание, во время которого мы помогали в саду. Не обошлось и без разговоров с монашками и послушницами. Это были в основном очень добрые женщины.

Одна девушка мне запомнилась особенно: она отличалась дерзостью и курила тайком от всех, хотя все это знали, ей это прощалось. Про нее рассказывали, что богатые родители постоянно посылали ее сюда, видимо, для улучшения характера или чтобы добиться послушания. За это они платили неплохие деньги. К огорчению родителей, послушание, выработанное в монастыре, держалось каждый раз не очень-то долго.

Когда мы прощались, одна монашка даже прослезилась, мы обещали вернуться, но слово не сдержали.

Начавшаяся учеба захватила все внимание, и мы быстро забыли наше приключение. Так же быстро я забыла христианскую благопристойность, и Богдан наконец переехал с холодного пола на кровать.

Первый раз в секте

Мой брат постоянно приглашал меня посетить йогу, на которую ходил он, но я никак не решалась сделать это. Я боялась прийти на занятия, где все раскрепощенные и веселые, и показаться зажатой. Я страшно стыдилась своей скромности. Димка приносил мне различную литературу из секции йоги, и я даже начала делать некоторые задания из книг. Но все же я не понимала, как дыхательные упражнения и асаны могут помочь мне перестать быть скромной. Брат сообщил мне, в какой день и по какому адресу встречается группа йоги. Похоже, он ожидал, что я приду на занятия, чего я не сделала, так как очень стеснялась.

Однажды Дима мне просто заявил, что меня в группе йоги уже ожидают.

– Я всем про тебя рассказал и передал им, что ты пообещала прийти на занятия, – заявил он.

– Но я не обещала, – возразила я.

– Если ты не придешь, то все очень разочаруются. Они были так рады и так тебя ждут.

Разочаровывать людей я не любила. Поэтому, когда наступило воскресенье, я с трясущимися коленками забралась в троллейбус и поехала на занятие группы.

Только сейчас, спустя много лет, я осознала, что у меня не было почти ни малейшего шанса уйти от вербовки в секту. Особенно потому, что настойчивое приглашение было произведено родным человеком, которому я доверяла. Я была молода, доверчива и недовольна собой и жизнью. Димка, конечно же, не желал мне ничего плохого. Он был убежден в том, что все то, чему он научился на занятиях йоги, – это хорошо, поэтому он хотел искренне поделиться обретенным знанием. К тому же ему было сказано, что тем, кто не обладает этим тайным знанием, надо помогать и обязательно приводить на занятия школы, иначе они будут влачить свое несчастное существование в бедности, болезнях и проблемах. Мой брат ни в коем случае не думал, что он меня затаскивает в страшную секту, на самом деле он хотел меня спасти.

Я стояла перед большой, тяжелой железной дверью на двенадцатом этаже одной из новых шестнадцатиэтажек. Была зима, и я была тепло одета. От волнения я сильно потела под дубленкой. Я долго собирала силы перед тем, как наконец решилась позвонить.

Дверь открыла высокая, стройная женщина с черными, как смоль, волосами. Было видно, что волосы были покрашены. На ее лице был очень яркий макияж и сияла широкая улыбка.

– Здравствуй, ты, наверное, Наталья?

Я кивнула.

– Дима мне рассказал, что ты собираешься прийти. Я очень, очень рада, что ты пришла. Я раскраснелась от удовольствия от такого радушного приема.

Я пришла, как всегда, немного раньше положенного времени, остальные ученики йоги еще не явились. За это время Ирина провела для меня небольшую экскурсию. Это была двухкомнатная квартира с маленькой кухней и с большим балконом. Балкон был необычным – очень длинным, а выход на него был из кухни и из большой комнаты. Большая комната, которую использовали для занятий йогой, была почти пустой. В углу громоздилась гора из туристических ковриков и одеял. У стены стоял маленький столик, на котором были кристаллы, благовония, свечи и фотографии людей в странных одеждах.

– Это алтарь, – объяснила Ирина.

– А кто это на картине над алтарем?

Я ткнула пальцем в изображение мужчины лет тридцати в шапке из перьев и в длинном костюме, напоминающем шаманский.

– Это наш великий учитель Шри Джнан Аватар Муни!

Так я впервые увидела лицо Руднева Константина Дмитриевича из Новосибирска. Против ожидания Ирины, меня не охватила благодать, и я не пережила состояние экстаза. К моему

стыду, я даже подумала, что лицо этого учителя похоже на лицо алкоголика. Но Ирина говорила об учителе с таким благоговением в голосе, что я решила пересмотреть мое мнение о нем. Внешность человека никогда не была чем-то очень важным для меня. Я решила игнорировать тот факт, что великий гуру похож на алкоголика, ведь он же не виноват, что с таким лицом родился.

Рядом с изображением великого учителя висела мандала для медитаций, а напротив мандалы горела свеча. Вся квартира была пропитана запахом благовоний, который показался мне каким-то небесным, интенсивным и очень приятным. Играла медленная, расслабляющая музыка. Мы пили чай в крохотной кухне и ждали, пока не пришли другие ученики. Ирина просто сияла. Она всем своим видом показывала мне, что очень рада меня видеть. Мне было очень уютно и хорошо. Все мои страхи испарились, и я расслабилась. Мой брат так и не объявился на занятии, но я уже чувствовала себя здесь и без него как дома.

На занятие пришли только два парня. Первый, Владимир, сразу же завладел моим вниманием. При входе он наклонился, чтобы не стукнуться головой об дверь, отбросил прядь темных волос со лба и поздоровался. От его голоса у меня пошли мурашки по коже. Ирина представила его как своего тантрического партнера. Как всегда, когда мне кто-то нравился, я засмущалась. Второй парень заполнил собой дверной проем. Он тоже прогудел приветствие, добродушно посмотрев на меня. Этого коренастого светловолосого ученика звали Костя. Я сразу прониклась к нему доверием.

Ирина начала занятие. Мы встали в круг или, лучше сказать, в квадрат, так как нас было четверо. Ирина поместила меня между двух парней, объяснив, что когда мужчина сменяет женщину, энергия течет гармоничнее между людьми. Мне очень нравилось стоять между симпатичным Владимиром и коренастым Костей. Мы сложили руки в непривычный мне жест. При этом левая ладонь прикрывала низ живота, а правая была приставлена ребром к груди, большой палец со стороны груди. Ирина объяснила, что это жест «намасте», что значит «я вижу в тебе Бога». Чтобы подключиться к эгрегору школы, мы пропели мантру школы: «Намо Сотиданандана парам ананда свасти». (Что такое эгрегор и мантра школы, вы можете почитать в словаре в конце книги.) Я к тому времени уже знала все это из книг, которые мне давал мой брат.

Я еще не выучила слова мантры, поэтому просто открывала рот. Звуки мантры и ощущение единства с чем-то высшим, возникшее во время пения мантры, вызвали у меня потоки мурашек по коже. Казалось, что эти удивительные незнакомые звуки уносят с собой все проблемы и заботы и обещают что-то чудесное и неизведанное.

После пропевания мантры Ирина объявила:

– Давайте теперь скрестим руки на груди и поклонимся величю Божественной Силы.

Такое мистическое начало занятия как будто переместило меня в другое измерение, полное чудес. Мантра, слов которой я не понимала, звучала в моих ушах как волшебное заклинание. Брат Дима рассказывал мне, что нет ничего невозможного. Если много работать над собой, можно раскрыть сверхспособности и даже научиться летать.

Да, я хотела летать. Когда я была маленькой, я все время мечтала научиться летать. Я конструировала на бумаге модели парашютов или бегала по двору с зонтиком во время сильного ветра в надежде взлететь как Мэри Поппинс. Мне даже удавалось пролететь полметра или метр, когда в нашем городке случался сильный ветер. К сожалению, зонтики не выдерживали такой нагрузки и очень быстро ломались.

Я часто летала во сне. Когда я была совсем крошкой, то просто бегала по дому и размахивала руками, как крыльями, пытаясь взлететь. Когда я немного повзрослела, я часами стояла на балконе и думала: если я очень сильно захочу полететь и спрыгну, то я наверняка полечу. Хорошо, что я кроме буйной фантазии обладала также здоровым инстинктом самосохранения. Это предотвратило поломанные ребра, а то и преждевременные похороны.

Теперь я повзрослела, но все еще частенько летала во сне. Моя вера в чудеса была немного приглушена разумом, но все еще жила в моем сердце и ожидала возможности проявиться. Возможно, моя детская вера в чудеса оказалась одной из причин, почему я оказалась такой легкой жертвой для секты.

Но не только вера в чудеса, но и мое глубокое ощущение неполноценности и желание измениться делали меня уязвимой для манипуляторов любого сорта. Кроме моих страданий, я в мои девятнадцать по эмоциональному развитию осталась, наверное, на уровне одиннадцатилетней девочки, которую в новой школе жестоко дразнили, а она не понимала за что. Бесконечное желание принадлежать к группе и не быть отвергнутой, желание, чтобы обо мне позаботились так, как тогда не смогли сделать родители, вело меня напрямик в лапы секты Руднева.

Но вернемся к йоге. Первое занятие далось мне нелегко. Я была очень скромной и закомплексованной и считала себя непривлекательной серой мышкой. А тут сразу же после поклона нужно было, о ужас, танцевать! Ирина объявила, что мы сейчас будем делать динамическую медитацию. Для этого нужно было расслабиться, отключить мысли (как будто это было так просто) и начать танцевать, входя в состояние животных, которых называла ведущая.

Первым животным был тигр. Все начали двигаться по-кошачьи, скрючив пальцы, как будто это были когти, и рычать. Мне было неудобно, но я просто повторяла за другими, пытаюсь преодолеть стеснение. За тигром последовала лиса, за лисой – лев, кролик, павлин, змея и сова. Я старалась изо всех сил и постоянно думала про то, какое же впечатление я произвожу на красавца Владимира.

После динамической медитации мы сделали небольшую медитацию на шри-янтру, висящую над алтарем, после нее – несколько дыхательных упражнений из йоги, которые назывались пранаямой, и комплекс упражнений йоги «Приветствие солнцу». По окончании занятия мы снова сложили руки в жест намасте и снова пропели мантру школы.

Я была как на небесах. Моя душа обрела крылья, и эти крылья с нетерпением били по воздуху, готовые поднять меня в неизведанные высоты. Я думала, что что-то волшебное, магическое, хорошее и доброе входит в мою жизнь. Как же сильно я обманывалась! Но в тот момент мне казалось, что я вижу духовное сияние, которое излучает каждый человек, находящийся на занятии. Все это было чудом, которого я ждала всю жизнь. И ведущая Ирина, казалось, искренне интересовалась мной, прислушивалась ко мне, излучала любовь и теплоту.

Домой я летела как на крыльях. Придя в свою комнатку в общежитии, где я жила с Богданом, я увидела, что в маленьком горшочке с землей, стоящем на окошке, появился крохотный росточек. Мой «звонящий кедр» взошел! Этот кедр я посадила больше месяца назад по методике, описанной в книгах Мегре. Из этого росточка должен был вырасти «родовой кедр» с магическими свойствами. Я приняла появление ростка в этот день за знак высшей силы. Это было как благословение на мой духовный путь в Школе Шамбалы – ведь секция йоги, которую я в тот день в первый раз посетила, относилась к этой школе.

Только, к сожалению, кедровый росточек прожил не очень долго. Когда я поехала на первый выездной семинар, кедрик засох, но это меня уже не интересовало. Я была уже поймана сектой. Сектой, в которой не было места кедркам и жизни в гармонии с природой. Сектой, в которой за фасадом просветления и саморазвития разрывались семьи, исчезали бесследно, сходили с ума, заболели и даже гибли люди.

Втягивание в секту

Я стала регулярно посещать занятия «йогой». Это напоминало состояние влюбленности или легкого опьянения. В моей душе не было ни малейшей капли сомнения. Я нашла моих братьев и сестер, я нашла моего учителя, и я нашла мой путь, как мне наконец стать счастливой и уверенной в себе.

Я помню, как на одном из занятий у нас была практика творчества. Ирина нам часто рассказывала о том времени, которое она провела в преддверии Ашрама и о том, что они там целыми днями занимались «карма-йогой» и изготавливали магические амулеты для наставников, для продажи на семинарах. В тот день мы изготавливали «предметы силы», прямо как в Ашраме. Для меня это было что-то невероятное, мистическое. На самом деле мы просто делали поделки из старых тряпочек, коры дерева, лоскутков кожи, перьев и бусинок. Я с восторгом ребенка включилась в это занятие. Когда мой амулет, усыпанный голубыми бусинками, взяла в руки Ирина, она закрыла глаза, чтобы «настроиться» на энергию амулета. Мистическим голосом она изрекла:

– Через этот амулет я чувствую твою чистую энергию, Наталья, ты смогла стать проводником высших сил, и теперь с помощью этого амулета можно исцелять болезни.

Представляете, такой жирной похвалы я не получала никогда в жизни. Я зарыдала от счастья и долго не могла успокоиться. Моя измученная душа исцелялась, наконец-то я получила те признание и любовь, в которых так нуждалась.

Мой друг Богдан был слишком погружен в учебу, чтобы обращать внимание на мои изменения, к тому же он уже начал привыкать к моим странностям. Я все еще немного обижалась на него за то, что он не женился на мне, когда я хотела стать яркой христианкой. Меня разочаровывало и то, что он не хочет ходить на йогу, в то время как я просто горела новым увлечением.

Одно меня удивляло: почему так мало людей посещают «йогу»? Я стала приглашать своих знакомых и подруг на занятия. Но я никогда не обладала большой силой убеждения. Все мои подруги почему-то не желали «просветляться». Только одного парня мне все же удалось затащить в общину секты. Он походил не очень долго, наверное, с месяц. Узнав, как дорого стоит предстоящий семинар, он испарился.

Я же не только ходила на «йогу», но и оставалась после неё, общаясь с Ириной и помогая ей по дому. На одном из занятий Ирина объявила, что большое радостное событие ожидает нас. Через месяц в наш город приедут наставники Школы Шамбалы для проведения семинара. Она говорила о великом благословении и необычайных энергиях, проводниками которых являются наставники. Я была возбуждена и одновременно испугана. А что, если наставники с их сверхспособностями увидят, какая я на самом деле скромная и неактивная?

В этот день я осталась после занятия у Ирины с ночевкой. Вечером я помогала писать приглашения на семинар. Их нужно было разослать всем ученикам, живущим в области. Все адреса людей, когда-либо посещавших семинары, хранились у Ирины в списках. В то время цифровой век еще не набрал свою силу, и принтеры с компьютерами еще не поселились в каждом доме. Мы писали письма от руки. Ирина выдала мне образец и список адресов. Моим заданием было переписать текст, вставляя каждый раз новое имя из списка в приветствие. Задание было несложным, и я с удовольствием взялась за работу.

Во время работы Ирина объяснила мне, что тот, кто работает на учителя и на школу, автоматически становится проводником божественной силы:

– Представь, как люди будут получать эти письма. Они почувствуют ту благодать и силу, которые ты сейчас через себя проводишь. Они могут даже исцелиться от болезней, только получив такое письмо, ведь в этом письме учитель будет говорить с ними через тебя. Настройся на учителя и постарайся передать его благодать людям, – говорила мне Ирина.

Я слушала ее как в трансе. Слезы благодати бежали по моим щекам, я видела перед моим внутренним взором, как больная старушка получает письмо, прижимает его к своему сердцу – и исцеляется. Я очень хотела подарить всем этим людям благодать учителя. Я писала письма, плакала от счастья и находилась в состоянии блаженного экстаза. Я думаю, что это был один из самых счастливых моментов моего пребывания в секте.

Жаль, что это счастье длилось совсем недолго.

Расставание с Богданом

Богдан корпел день и ночь над чертежами, наконец-то он дошел до своего дипломного проекта. Он стремился как можно скорее окончить институт и не замечал, что меня затягивало все дальше и дальше в «йогу», что я все больше и больше времени проводила с моими новыми знакомыми и все меньше и меньше с ним.

Логический конец наших отношений произошел после одного из занятий секты. Логический для меня и абсолютно неожиданный для Богдана.

Я поднималась в последний раз в моей жизни по бесконечной лестнице на девятый этаж, к нашей комнатухе на двоих. По пути наверх я любовалась настенной живописью студентов. К сожалению, никто из художников не отличался особым талантом. На восьмом этаже, как всегда, интенсивно пахло мочой. Немного запыхавшись, я шла по темному коридору мимо туалетов.

Туалеты были такими ужасающе грязными, что я не решалась туда идти в тапочках, а всегда надевала уличную обувь, когда шла в эту «комнату страха». Я шла мимо умывалки и заглянула туда на прощание. Заржавевшие краны капали, одной раковины не хватало, а остальные были черно-коричневыми. Ничто не напоминало о том, что их создали белыми, как ванильное мороженое. В умывалке отсутствовали двери, но присутствовал душ, вернее, труба, торчащая из стены. Наши соседи завешивали дверные проемы одеялами, чтобы помыться, я не решалась последовать их примеру, поэтому мылась в тазике у нас в комнате. Напротив умывалки жила я с Богданом.

Я открыла дверь, Богдан стоял в так называемой кухне, размером в два квадратных метра. Это была, конечно же, никакая не кухня, просто Богдан когда-то отделил этот угол от остальной комнаты перегородкой из деревоплиты. Он был очень творческим человеком, охотно что-то мастерил и даже шил. Половина его вещей была сшита им самим. Кроме маленькой двухконфорочной плиты в кухонном уголке стоял вечно недовольно ворчавший холодильник, который был в любом случае старше, чем я.

Богдан радостно повернулся ко мне и хотел меня обнять. Я не разделяла его радости и вообще боялась посмотреть ему в лицо. Вместо этого я смотрела на голые ноги, которые жалобно торчали из его самодельных шортов. Ноги были очень худыми и покрыты трогательными рыжими волосками. Богдан был везде рыжим.

Его руки беспомощно опустились вниз, так как я не отреагировала на его радость.

– Привет, красавица, как ты? – спросил он.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Я приготовил твой любимый суп.

– Ирина предложила мне у нее поселиться, – продолжала я.

– И-и-и? – протянул он.

– Я ей ответила, что мне надо с тобой поговорить.

– Со мной поговорить? О чем? Ирина же знает, что ты живешь со мной!

– Я бы хотела жить у Ирины, – выдохнула я.

Богдан уставился на меня, как будто он видел меня в первый раз. Его голубые глаза потемнели.

– Ты что, от меня уйти решила?

– Ну, я бы это так не называла, – замялась я, мне не хотелось причинять ему боль. — Я думаю, что нам нужно сделать паузу в наших отношениях.

– Мне точно не нужна никакая пауза от тебя! – почти кричал он. – Проклятье, я с самого начала не доверял этой Ирине, а что, если это какая-нибудь секта?!

Я ни разу не видела его в таком состоянии. Осознав, что он себя не контролирует, Богдан выбежал из комнаты и так сильно хлопнул дверью, что часть штукатурки отвалилась и упала мне под ноги.

Я вытащила мою большую сумку из-под кровати и первым делом бросила на дно мои документы. Слезы капали и не хотели останавливаться. Расставание было тяжелым, ведь мы были уже два года вместе, но я была уверена, что это был правильный поступок. Богдан был частью прошлого, а меня ждало светлое будущее, меня ждало освобождение от комплексов и возможность помогать другим людям. Я пыталась помочь и Богдану, приглашая его на занятия и принося литературу из секты, но он не хотел спасаться. Теперь мне нужно было смотреть вперед, а Богдан оставался позади.

Я вытерла слезы, побросала оставшиеся свои вещи в сумку и вышла навстречу просветлению.

Тантра втроем

– Когда ты приедешь домой, Наташенька? – в который раз спрашивала меня моя мать по телефону.

С тех пор, как я жила в общине Школы Шамбалы, я почти перестала ездить к моим родителям. Из книги «Путь дурака» и от других сектантов я узнала, что мамка своими глупыми программками учит только ерунде, вроде установки «институт – семья – могила», обрекая нас этим на страдания. Общество эксплуатирует нас и заставляет «срабатываться до костей», а детей рожают вообще только свиноматки. В общем, секта Руднева внушала нам антисоциальные и антисемейные идеи. И это логично, ведь чтобы нами лучше управлять и выдаивать, как дойных коров, нас нужно было отделить от общества и семьи. Так все внешние воздействия постепенно отсекались, и мы оставались пленниками тоталитарной секты психопата Руднева.

Как и во всех тоталитарных сектах, у нас царил культ личности – Константина Руднева. Великий гуру Шри Джнан Аватар Муни, он же пришелец с Сириуса, он же воплощение Христа, он же проявление Бога на Земле, он же позже Богомудр Алтай Каган, великий белый Шаман Алтай Кам, он же Гуру Калки. Возможно, я забыла пару имен «великого просветленного», но это не меняет сути дела.

Как и в других тоталитарных сектах, личность лидера сильно отражалась на устоях секты. Согласно актам стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы, у Руднева была диагностирована психопатия, что означает – чувство эмпатии ему было незнакомо, наоборот, он наслаждался моральными и физическими страданиями адептов. Я не психолог, поэтому не буду вдаваться в подробности диагноза Руднева, а расскажу о моем опыте в созданном им детище – Школе Шамбалы, школе «Беловодье», Школе Инлиранги или академии «Альма». Неважно, как он еще назовет свое адское творение, суть останется та же.

Для нас нахождение в секте значило сверхусилия, голод, холод и унижения. Я сейчас пишу не о простых посещениях семинаров, а о рабском пребывании в так называемых преддвериях Ашрама, сейчас они называются творческими группами, а возможно ко времени выхода книги они уже будут называться медитационными лагерями или еще как-то.

Руднев был жаден – в секте экономили на всем, особенно на нас, учениках, а это означало скудное питание, огромные цены на семинары и ритуалы и попытку все, что только возможно, организовать на халяву, используя деньги и связи учеников.

Руднев был агрессивен, раздражителен и очень подозрителен – в секте было запрещено дружить. Мы находились в постоянном состоянии напряжения, должны были следить друг за другом, закладывать так называемые косяки других. От ближайших учениц Руднева я слышала, что он не переносил тишины, не мог терпеть, если кто-то задумается и сидит спокойно. Он начинал орать на учениц: «Что расслабились, расслабились!» Он немедленно «ускорял» слишком задумчивых, не стесняясь рукоприкладства. И во всей секте нельзя было ни на секунду расслабиться и подумать, почти не было возможности побыть одному.

Руднев любил худых, активных черноволосых девушек с ярким макияжем, так как ему навсегда врезалась в память его детская любовь – цыганка, для которой он фарцевал и которая его бросила, как ненужную вещь, переехав в Америку. Эту потерю он так и не смог до конца принять, возможно, поэтому он решил для себя, что его теперь будут окружать сотни таких цыганок. Почти все девушки в секте красили волосы в черный цвет, недоедали и носили вызывающий макияж и наряды.

Тысячи людей, которых отесывали и обстругивали под Руднева, становились такими, какими их хотел видеть Руднев, а кто не влезал в предписанные рамки, того клали на «прокрустово ложе» и перedelывали.

Руднев ненавидел свою мать и объяснял нам, что матери – свиноматки. И мы бросали своих родителей и обрывали связи с ними.

Таким образом я тоже стала постепенно превращаться в марионетку Руднева, неуверенного в себе психопата с тяжелым детством. Моих родителей я не ненавидела, но все меньше и меньше им доверяла. Меня раздражала их настойчивость. Мне не хотелось с ними общаться, чтобы не нахвататься «мамкиных программок».

Я помню, как сжимала трубку телефона, стоя в коридоре нашей общинной квартиры, и мне было стыдно, что я вообще еще общаюсь с моей матерью.

За день перед этим разговором я покрасила волосы в черный цвет и ужасно гордилась тем, что теперь я выглядела как Ирина и наставницы.

– Так, когда ты приедешь? – повторила вопрос мама.

– Я приеду на выходные, – наконец ответила я. – Мама, а ты не могла бы мне немного денег дать? И еще мне нужна дубленка на зиму.

– Конечно, Наташенька, – обрадовалась мама. – Мы можем в воскресенье поехать на китайский рынок и купить тебе все нужное.

– Спасибо, мама, – выдавила я, так как быть благодарной родителям было плохим тоном в секте.

Я думала о том, что мне совершенно не хочется видеть моих родителей, они ведь будут только пытаться зазомбировать меня и научить меня их глупостям. В секте я узнала, что так поступают все родители, которые не были в Школе Шамбалы. К сожалению, я была зависима от родителей и должна была с ними общаться, ведь мне нужны были деньги на семинар и на одежду тоже. Я решила для себя, что буду использовать эту поездку с пользой для дела: возможно, мне удастся моих родителей и кого-то еще из родственников завербовать в секту. Если мне удастся их затащить на семинар Школы Шамбалы, меня ожидала толстая похвала от Ирины и от наставников. А еще я смогу тогда нормально общаться с моими родителями, ведь они тоже будут в великой Школе Шамбалы.

Я ездила к моим родителям с огромной пустой сумкой, которую они всегда наполняли картошкой, капустой и кабачковой икрой. Они были небогаты, но все же умудрялись учить нас, двух студентов-сектантов.

Я шла от автобусной остановки по улице Ленина мимо бедных покосившихся домиков, по-осеннему голых берез и старушек в цветных платочках, которые по очереди со мной здоровались, а то и одаряли улыбкой.

Мои родители жили почти в конце улицы, недалеко от их дома начинались поля, а за полями лес.

– Доченька, я тебя даже не узнала с черными волосами, – воскликнула мама из окна. – Подожди, я уже открываю.

Я не испытывала радости от встречи, ведь меня предупредили, что родственники будут против и будут отговаривать от участия в семинаре. Мне было как-то стыдно от того, что мама мне так радовалась. И еще я подумала о том, что моя мама постарела и поправилась, вот бы ей йогой заняться.

– Привет, мама, – выдавила я.

Вместо ответа мама обняла меня.

Я ничего не чувствовала, кроме раздражения – моя мама сильно пахла луком. До секты я скучала по маме и радовалась ее объятиям, теперь она стала мне чужой.

– Ну что же мы на холоде-то стоим? Заходи домой, я тебе пельмешков настряпала, – засуетилась мама.

Раньше я любила пельмени, но в секте я узнала, что пельмени несут в себе энергию «тамас», а значит, делают людей пассивными и больными.

– А рис у тебя есть? – спросила я.

– Конечно, но ведь я уже сварила пельмени, ведь ты же их так любишь.
Разочарование моей матери все же пробилось в мое зачерстневшее сердце.

– Ну хорошо, тогда давай есть пельмени, – сжалась я.

Пельмени были великолепны, я ела уже вторую тарелку – все же поднадоело каждый день рис и гречку жевать.

Жуя пельмени, я пыталась вербовать маму в секту:

– Мам, вот ты меня раньше все к целителям и экстрасенсам водила. А у нас в школе все наставники – целители. Ты бы не хотела пойти со мной на семинар?

– Не знаю, доченька, я тут прочитала книгу «Путь дурака», мне Дима привез, что-то мне ваша школа не очень понравилась. В книге матерятся много. Написано, что мать только ерунде учит, и вообще критикуют семью и родителей.

К моему удивлению, маме не понравилась наша школа, хотя обычно она принимала на веру все, что было написано в эзотерических книгах, и обожала целителей и экстрасенсов. Но наше учение испугало ее радикальным отрицанием семьи и роли матери, что являлось одной из самых важных ее ценностей.

Позже я пыталась всех моих родственников завербовать в секту и не понимала, почему они не рвутся поехать со мной на дорогой чудотворный семинар великих наставников Школы Шамбалы. Я была совершенно подавлена и раздражена. Неужели они не могут понять, что это могло быть их спасением? Я ужасно расстраивалась, что не смогла «помочь» моим родственникам, и обвиняла саму себя, что была недостаточно убедительной и уверенной в себе.

В субботу вечером мне позвонил брат и сообщил, что в общину уже приехали наставники и давали бесплатные практики и лекции перед началом основного семинара. Я засобиравшись обратно.

В воскресенье, перед тем как возвращаться в общину, я поехала с мамой, тетей и двоюродной сестрой на китайский рынок. Я ненавидела рынки. Эти бесконечные ряды дешевых товаров, по которым шли, толкались и терлись друг об друга бесчисленные люди. Одни прижимали свои сумки к груди, а другие смотрели, как бы добраться до кошелька. Меня ошеломляли такое многолюдье, шум и пестрота товаров вокруг меня, к тому же у меня мерзли ноги, стучали зубы и хотелось оттуда сбежать. Но моя мама, тетя и двоюродная сестра воодушевленно маневрировали от одного китайца к другому, от одного азербайджанца к следующему.

Мне нужна была дубленка, мама хотела, чтобы я мерила и выбирала, я же взяла первую попавшуюся, чтобы долго не мучиться. Моя голова начинала болеть. Моей двоюродной сестре Даше нужно было купить сапоги, маме нужна была шапка, тете – пальто. После обеда мы закончили с покупками. Я стала счастливой обладательницей дубленки, зимних полусапог, колготок, кофты, пульсирующей мигрени и тошноты.

Когда я приехала в общину, мне было так плохо, что я хотела лечь, спрятаться под одеяло и никогда больше оттуда не вылезать. Вместо этого меня отправили на кухню с «заданием силы»: приготовить пищу для наставников и садхаков. Садхаками были мы, рядовые ученики. Во всех сектах практикуется создание языка, непонятного нормальным смертным. Вот и мы были не просто учениками, или последователями, или, в конце концов, адептами – нет, мы были садхаками. И никто, кроме нас, не понимал, что это значит. Еще немного дальше от мира и больше в лапах секты.

Ирина мне сказала, что во время приготовления пищи мне нужно концентрироваться на моей груди, анахата-чакре, это такой энергетический центр, ответственный за любовь и принятие. Мое сообщение о том, что у меня болит голова, было проигнорировано. Я должна была быть сильной, а болезнь в секте считалась слабостью и презиралась. Если человек болел, то он допустил в себе слабость. Чтобы преодолеть хворь, нужно было повышать уровень энергии, а значит, что-то очень активно делать, что часто приводило к еще более тяжелому течению болезни.

Я пыталась игнорировать мою головную боль. Но мне становилось все хуже, меня тошнило, и я уже почти не держалась на ногах. Я не могу точно сказать, что со мной было, но мне было очень плохо.

Нам было сказано, что если мы приходим в место силы в слабом состоянии, то можно даже заболеть, так как организм не справляется с мощными потоками энергии. А так как в квартире жили наставники, она автоматически превращалась в место силы. В общем, я готовила, страдала от мигрени и корила себя за слабое состояние. Я пыталась изо всех сил быть в «сильном состоянии», но чем больше я пыталась, тем хуже мне становилось.

Наставница Татьяна зашла на кухню, увидела мое зеленое лицо и немедленно отправила меня на балкон делать пранаяму.

К сожалению, эта наставница до сих пор находится в секте. Конечно, она уже сменила множество имен: побывала и Ладой, и Сумилу, и Ладамирой Добролюбовой, может, и еще кем-то. Могу сказать, что мне ее искренне жаль, так как я всегда чувствовала, что у нее доброе сердце. Что ее держит в секте – страх, или вера, или ей просто некуда уйти – я не знаю.

Татьяна, если вы прочитаете эти строки, знайте, что везде лучше, чем у Руднева. То, как он с вами обращается, это ужасно. Пожалуйста, ради вас, ради вашего достоинства, души и здоровья – бегите из этого ада! Ясное дело, у вас есть и что-то хорошее в секте, вы можете быть «великой наставницей», а в миру вам придется все начинать с нуля, но поверьте мне, все это лучше, чем те унижения, через которые вы регулярно проходите в секте. Вас выбрали там козлом отпущения из-за вашего доброго сердца и выдают это за слабость. На самом деле это не слабость, это человечность, которую не смог разрушить Руднев.

Извините, что я опять отвлеклась, очень уж эмоциональная тема. В общем, это было большое облегчение – выйти на свежий воздух. Я делала в течение получаса дыхательные упражнения йогов, и мне и на самом деле полегчало.

После трапезы и вечерних практик уже не помню, что мы делали, это могла быть медитация, йога, астрокarate или лекция наставников. Зато то, что произошло после вечерних практик, я помню очень хорошо. Наставницы заняли комнату Ирины, поэтому Ирина и ее тантра-партнер Владимир – а по-простому ее парень – спали со мной в большой комнате. Как у нас в секте принято, спали мы на полу на туристических ковриках, а не на кровати.

Мы, перевозбужденные событиями дня, все не могли прекратить общаться, хохотали, и сна не было ни в одном глазу. Как-то незаметно перешел разговор к тантре, так в секте назывался секс. Нам объясняли, что через секс можно слиться с божественным, войдя в образ Шивы и его Шакти Парвати. Может быть, кто-то где-то и правда сливался при этом с божественным, а мне как-то не довелось это пережить.

В общем, разгоряченная разговорами Ирина подмигнула мне и сказала:

– Сделаем его, Наташа?

И мы его сделали...

Владимир очумел от нежданного счастья и лежал спокойно, пока мы с ним и его телом божественное творили. Ну, я не спорю, для Вовки это было наверняка что-то божественное. А для меня это было какой-то мукой: я, с одной стороны, была разгорячена и желала всего этого; с другой стороны, это было очень странно – делить мужчину на двоих.

Ни небесным, ни божественным секс не был, я была напряжена и не могла расслабиться. А когда Ирина и Вова пошли на балкон курить после секса, я почувствовала себя грязной и ненужной. И начала ревновать. В общем, в голове и чувствах – полный хаос.

Первый семинар

Я считала дни и часы до моего первого семинара Школы Шамбалы. Ирина рассказывала нам такие прекрасные и невероятные вещи про наставников и семинары, что мне не терпелось увидеть этих полубогов и пройти у них обучение. Наставники, по словам Ирины, были чистыми проводниками божественной энергии учителя. С помощью этой энергии они могли исцелять, за счет нее они обладали сверхспособностями, которые могли передать нам, простым садхакам.

Нам все время объясняли, что если быть максимально включенным в учителя, если быть преданным и открытым, то можно наполниться божественной энергией учителя. И чем более мы могли открыться учителю, тем более чистыми проводниками его воли и энергии мы становились. И тогда было возможно все: исполнение всех желаний, целительские и сверхспособности, богатство, тантрический партнер и вообще все, что душа пожелает.

Я знала от Ирины, что на семинарах Школы Шамбалы было много лекций, духовных практик, можно было купить магические амулеты, а также пройти духовные посвящения у наставников. Все это стоило больших денег, которых у меня не было. Мне повезло, что мои родители дали мне денег, которые я теперь могла потратить на «духовное развитие», а точнее, на магические амулеты (на деле дешевые безделушки), на книги секты (инструмент зомбирования адептов), на духовные практики с наставниками (а это вообще покупка воздуха, пустых обещаний и манипуляций). Как оказалось позже, этих денег хватило только на диагностику и пару книг. То, что я помогала организовывать семинар, позволило мне пройти его бесплатно, иначе я бы не смогла себе этого позволить.

Ирина объяснила мне, почему семинар должен быть таким дорогим. В космосе якобы существует закон обмена энергией, наставники транслируют огромное количество целительной энергии во время семинара, и чтобы эту энергию принять, а не быть ею разрушенным, нужно соответствующее пожертвование, чтобы был энергообмен. Иначе можно заболеть, а то и умереть. А так как энергии много, то и пожертвование тоже должно быть большим. Хитро придумано, что скажешь.

Позже еще стали продавать магические амулеты по уровням – чем больше заплатишь, тем мощнее действует амулет. То есть можно было купить одну и ту же безделушку, например, за 500, за 1500 или за 5000 рублей. Чем дороже, тем больше всего хорошего принесет амулет.

Еще до семинара в нашей общине произошли огромные перемены. До приезда наставников все было по-простому: мы веселились, медитировали, вместе ели и спали в одной комнате, просто хиппи-коммуна какая-то. После прибытия наставников все стало строже, по-военному.

Мы теперь должны были рано вставать и совершать пробежку в морозной октябрьской темноте. После этого йога, после йоги весь день карма-йога – если перевести на человеческий язык, бесплатный труд на наставников, беспрекословное выполнение всех их заданий. Мы ходили для них за покупками (конечно, за наши деньги), готовили, распространяли рекламу семинара, организовывали зал, музыку и множество других вещей.

Зал мы нашли через Лизу, которая иногда посещала занятия. Она сидела в инвалидном кресле и жила в доме престарелых и инвалидов. Она договорилась с руководством своего приюта – и нам разрешили заниматься бесплатно. Бесплатно – это было классно, так как ни у кого из нас особо денег не было. Ирина не работала, на что она жила, не могу сказать, может, на алименты? Ну и сборы с занятий тоже шли ей, но это было не так много, чтобы на эти деньги прожить. У Ирины было двое детей. Я училась, получала маленькую стипендию и, конечно, продукты и небольшие суммы денег от моих добрейшей души родителей.

Лиза очень надеялась через целительные силы наставников снова встать на ноги. Она уже посетила множество семинаров, но так и продолжала сидеть в своем инвалидном кресле. Лиза все так же верила в Шамбалу и отдавала всю свою пенсию на семинары, амулеты и книги

секты. Ей говорили, что нужно было всего-навсего еще больше открыться Божественной Силе, пройти еще то или другое посвящение, совершить тот или иной ритуал – и тогда она пойдет.

Наставницы, которые уже неделю жили у нас, создавали вокруг себя мистический ореол таинственности, кроме одного раза, когда наставница Татьяна послала меня на балкон делать пранаяму (дыхательные упражнения), когда у меня болела голова, я их не видела. Все приказы они передавали через Ирину и Владимира.

Ирина и Владимир были руководителями общины, а значит, стояли по иерархии выше нас, простых учеников. Им было разрешено общаться с наставниками, а нам нет. В нашей секте иерархия соблюдалась очень строго.

Для меня все это казалось очень странным, я чувствовала постоянный дискомфорт. Раньше Ирина была мне очень близка, почти как подруга, тем более после нашего тантрического эпизода втроем я чувствовала близость к ней и Владимиру. Но внезапно они оба отдалились, вошли в роль старших и стали холодны и надменны. Таков был приказ наставников и воля учителя. В нашей секте не должно быть веселья и панибратства. Но мое радостное предвкушение предстоящего семинара подсластило мне горькую пилюлю отвержения.

Очень скоро я вообще перестала страдать по этому поводу, так как к нам в общину приехали иностранцы. Это было для меня сенсацией. Я еще ни разу не видела иностранца. А эти двое приехали из Голландии и не говорили ни слова по-русски, кроме «ёлка-полка». Этих двух «пришельцев» звали Ник и Хенк, оба длинноволосые, похожи на хиппи. Ник – молодой блондин, а Хенк со своим черным хаером был похож на стареющего рокера. И гитара была с ними, и рваные джинсы, все как полагается.

Я была очарована. Новый мир открывался мне благодаря Школе Шамбалы. Я выкапывала мои знания английского и проводила с иностранцами много времени. С ними приехала переводчица Женя, тоже сектантка, с которой мне позже суждено было не раз еще столкнуться.

Особенно ярко мне впечаталась в голову одна картина из того времени: костер в лесу, Ирина бьет в бубен, я, Ник, Хенк, Женя и Владимир раскачиваемся вокруг костра в трансе в ритм бубна. Затем мы разбежались по лесу в состоянии транса в поисках откровений духов леса. Потом мы лежали на земле в кругу, взявшись за руки, с головами в центр круга... Да, это было счастливое время.

Ник и Хенк спали на балконе в своих спальниках, они были веселые, открытые и забавные. Они часто говорили с выражением «ёлка-полка», и все смеялись. Они получали особенное внимание наставниц и всех нас тоже; но, к сожалению, после двух дней семинара они уехали в Голландию. Это был их второй семинар, первый они прошли в Перми, а так как у них еще было время до самолета, они провели его с нами.

Я помню мой первый день семинара. В зале набралось около двадцати учеников, включая Лизу и Тому, которые сидели в своих инвалидных колясках и надеялись когда-нибудь с помощью чуда с них подняться. Мы переоделись в удобную одежду и расселись перед сценой, наставницы исчезли за кулисами. Ирина установила музыкальный центр, который она с трудом нашла через знакомых, и включила музыку Шамбалы.

Музыкой Шамбалы называлась трансовая музыка, написанная Костей Рудневым, нашим гуру. Ее он творил на стареньком синтезаторе. Не знаю, какие грибочки он при этом курил, но музыка у него получалась загробная, с подвываниями, от которых шел мороз по коже. Если долго слушать такую музыку, то входишь в трансовое состояние и становишься легко внушаем.

Мы сидели в позе лотоса в полутьме и под завывания «музыки Шамбалы» ожидали с колотящимися сердцами наступления чуда. Вскоре вышла наставница Татьяна в своем атласном белом хитоне с красным знаком Шамбалы на груди (круг с тремя маленькими красными кругами внутри). От глубокого низкого голоса наставницы у меня побежал мороз по коже.

«Сложите ваши руки в жест намасте. Закройте ваши глаза и настройтесь на ваше сердце», – произнесла она и исчезла.

Мы ждали, и ждали, и ждали. Сердца бились, а ноги затекали. Но вот какой-то звук, и снова тишина. Глубокий мистический голос разрезал безмолвие, мурашки побежали по моим рукам и ногам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.